

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Морхата Петра Мечиславовича «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03 - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Представленная для отзыва диссертационная работа П.М. Морхата посвящена актуальной для современной науки частного права, включая право интеллектуальной собственности, теме. Обусловлено это не столько слабой проработанностью темы (публикации по ней имеются¹), сколько факторами значительной вовлеченности в исследуемое тематическое направление нормативного технического регулирования и слабой внедренностью в практику чисто технически, хотя развитие этого направления идет очень интенсивно.

В числе иных факторов, подтверждающих актуальность избранной автором темы, - потребность в фундаментальном научном *гражданско-правовом исследовании* избранного круга вопросов и переосмыслении тематического горизонта искусственного интеллекта, в том числе и конкретно - в сфере интеллектуальной собственности. В этой связи стоит отметить имеющуюся, с одной стороны, проблему наличия и действия запаздывающего несоответствующего текущему моменту, уровню развитию названной сферы и вызовам в этой сфере законодательства; с другой - отсутствие столь необходимых уже сегодня масштабных научных юридических интерпретаций, объяснений феномена искусственного интеллекта, его правового положения и сопряженных с ним вопросов.

Этого требует, по нашему мнению, появление множества вызванных развитием сферы информационных технологий, робототехники и искусственного интеллекта вызовов, угроз и рисков для прав, свобод и законных интересов человека, в том числе – в сфере права интеллектуальной собственности.

Актуальности существенно добавляет принятие в России целого ряда нормативно-правовых и концептуально-программных документов, предопределяющих приоритетность разработки и внедрения для решения задач перспективного развития страны в числе других цифровых технологий также технологий и юнитов искусственного интеллекта, а также появление за рубежом первых профильных актов и документов такого рода в сфере разработки, функционирования и применения искусственного интеллекта (см., напр., библиографию диссертации).

---

¹ См., напр.: Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. - 2017. - № 1 (39). - С. 189-202 и др.

В этом формате диссертация служит не только цели масштабного обобщения и многоаспектной систематизации, но и цели значительного углубления научных познаний в исследуемой области, а также выработки новых подходов к осмыслению проблем прогностически описываемых и затрагиваемых в диссертации отношений, которые еще только начинают формироваться и появляться. И в этом состоит одно из главнейших достижений докторанта.

Структуру настоящего диссертационного исследования следует признать хорошо логически выстроенной и продуманной, цель работы - гражданско-правовое исследование и осмысление феномена искусственного интеллекта и юнитов искусственного интеллекта, состояния и особенностей правового регулирования в области искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности, выявление связанных с этим рисков и проблем - успешно достигнутой, а задачи - выполненными. Первая глава работы (с.46-153 дисс.) посвящена правовому пониманию, гражданско-правовому регулированию и юридическим аспектам применения искусственного интеллекта; вторая глава - искусственному интеллекту в орбите права интеллектуальной собственности (с. 154-241 дисс.); третья глава - правосубъектности юнитов искусственного интеллекта с позиции гражданского права (с. 242-343 дисс.).

Проведенное исследование позволило Морхату П.М. сформулировать ряд положений, выводов и рекомендаций как теоретического, так и прикладного характера, наиболее значимые с научной точки зрения из которых вынесены на защиту, и мы считаем возможным оценить эти положения как обладающие высокой научной новизной и высокой научной ценностью. Но этим достоинство научного исследования диссертанта и круга его научных наработок не исчерпывается. Наряду с выносимыми на защиту положениями, новизной обладают и научные подходы, и многочисленные научные построения, встречающиеся по тексту всех 3-х глав диссертации. Остановимся на некоторых из них.

Сразу отметим, что нам представляется правильным рассматривать комплекс самостоятельно сформулированных Морхатом П.М. научных концепций, определений, наборов ключевых признаков и свойств, описаний образов действий и поведения и их корреляций, классификаций, иных научных построений обобщенно и оценить их как весьма значимый личный вклад в науку, выражающийся в создании диссертантом полноценной базисной для сферы «право и искусственный интеллект» научной концепции, теории, в составе которой можно выделить следующие проработанные диссертантом научные направления и результаты работы по ним, обладающие научной новизной:

1) базовое дефинитивно-параметрическое описание и объяснение понятия, природы и онтологии искусственного интеллекта с позиции гражданского права, предпринимательского права и права интеллектуальной собственности (напр., § 1.1. гл. 1 дисс., положение 1, выносимое на защиту), в рамках которого авторское определение понятия «искусственный интеллект», как полностью или частично автономную самоорганизующую (и самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную (virtual) или киберфизическую (cyber-physical), в том числе био-кибернетическую (bio-cybernetic), систему (юнит), не живую в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенную/обладающую программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями (с. 91-93 дисс., с. 20-11 автореф. дисс.), по нашему мнению, является наиболее фундаментальным на сегодня из существующих, спроектированным и синтезированным именно под цель и задачи правоведческого исследования и объяснения;

2) авторская научная концепция мультимодальности правосубъектности юнита искусственного интеллекта в части комплексов его «прав» и обязанностей в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей его задействования и связанности императивом прилаженности (подстроенности) к конкретному целеполаганию производства и такого юнита (напр., положение 2, выносимое на защиту, с. 21-22 автореф. дисс.). К выводам в рамках такого представления автора подталкивает исследование, во-первых, рисков создания и задействования юнитов искусственного интеллекта (п. 1.2.1 дисс.), во-вторых, исследование основных концепций, лежащих в основе подходов к правовому регулированию разработки, производства, программирования, оборота, применения (задействования), функционирования, самообучения и саморазвития, прекращения жизнедеятельности (разрушения) и утилизации юнитов искусственного интеллекта (далее – ЮИИ) (п. 1.2.2 гл. 1 дисс.), в том числе с позиции исследования автором ЮИИ в контексте права интеллектуальной собственности с позиции таких концептов ЮИИ, как: машиноцентрический и антропоцентрический концепты ЮИИ, концепт служебного произведения, концепты гибридного и «исчезающего» (нулевого) авторства – § 2.2 гл. 2 дисс., положение 4, выносимое на защиту).

Именно на основе изученных представлений и их собственной научной интерпретации автор и выстраивает далее конструирование юридических формулировок в правовом обеспечении такой, предложенной ранее, но не объясненной европейскими учеными, правосубъектности ЮИИ, как «электронное лицо», которое интерпретируется и объясняется в диссертации как гибридная онтологическая форма, интегрирующая в себе некоторые

элементы уже существующих концептов правосубъектности физических, но более всего - юридических лиц, в их пересечении, вместе с тем обладающая, как доказывается в диссертации, самостоятельностью и уникальностью.

В этом формате высокой научной ценностью обладает авторское определение понятия «электронное лицо», исследованию которого посвящен § 3.3 главы 3 настоящего исследования. Так, автор полагает, что ««электронное лицо» - это обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и сознаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, *воплощающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально (условно) специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта*, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению.» (напр., с. 20 автореф. дисс.);

3) научно-прикладное объяснение горизонта возможностей и способов функционирования и задействования ЮИИ в юридической практике и в судебном процессе, рисков и связанных с этим проблем (§ 1.3 гл. 1, с. 33 автореф. дисс.), поскольку ЮИИ могут выступать не только в роли создателей (или компаньонов либо инструментов), но и быть задействованы при разрешении споров и конфликтов по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Отметим, что считаем данный пласт научных разработок автора, который не «ушел» при этом в процессуальное право, не только ценной частью его диссертации и его вклада в науку, но наиболее остро актуальной ее частью, поскольку внедрение технологий искусственного интеллекта в юридическую практику, как в части материальных норм, к которым обращается диссертант, так и в части норм процессуальных, - это уже вопрос сегодняшних реалий (положение 8, выносимое на защиту, напр., с. 26-27 автореф. дисс.),² как и вопрос производства музыки, произведений изобразительного искусства или текстов ЮИИ, который, очевидно, скоро выйдет на такие объемы мощностей, что нам придется плотно заниматься правовым обеспечением этих процессов.

Автор верно замечает в этой связи, что «Законодательство о праве интеллектуальной собственности, не обнаруживающее реагирования на серьезнейшие новации и вызовы,

² См., напр.: Алексеева Т.В. К вопросу об электронных технологиях альтернативного разрешения споров // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 5. - С. 137138.

связанные с интенсивным развитием и внедрением технологий и юнитов искусственного интеллекта, практикой их применения, уже безнадежно устарело, нуждается в существенном усовершенствовании.» С этой точки зрения, безусловно, заслуживают одобрения делаемые П.М. Морхатом предложения о внесении изменений в законодательство Российской Федерации в части дополнения статьи 1228 ГК РФ (Четвёртой части) новыми пунктами 5 и 6; статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новым пунктом 21 (положение 9, выносимое на защиту, напр., с. 28-29 автореф. дисс.); а также безотлагательная потребность в урегулировании правового статуса смарт-контрактов³ и вопросов ответственности за: военное применение автономных систем вооружений, оснащенных искусственным интеллектом, и последствия причинения вреда беспилотными транспортными средствами, управляемыми искусственным интеллектом;

4) к обозначенным в п. 2) и 3) вопросам примыкает авторская научная концепция ЮИИ в контексте права интеллектуальной собственности, включающая в себя следующие аспекты: а) классификацию режимов правового регулирования прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные при фактически и юридически существенном участии ЮИИ или произведенные полностью автономно непосредственно самим ЮИИ, производимую в контексте разрешения вопроса о субъектеносителе прав на результаты такой интеллектуальной деятельности (напр., § 2.3 гл. 2 дисс., с. 34-36 автореф. дисс.). В этой связи, например, показано, что технологии и ЮИИ способны практически полностью автономно осуществлять деятельность, которую можно отнести к изобретательской. Автором демонстрируется разнообразие правовых решений в сфере патентно-правовой охраны изобретений, созданных при фактически и юридически существенном участии ЮИИ или созданного полностью автономно непосредственно самим ЮИИ (§ 2.3 гл. 2, с.221-241 дисс.); б) концепты (модели) юридической ответственности ЮИИ, повлекшие за собой наступление вредных последствий (в том числе в сфере права интеллектуальной собственности), в том числе модель инструмента реального актора; модель прямой ответственности непосредственно ЮИИ за его действия (бездействие); модель ответственности третьих лиц за совершение ЮИИ причиняющих вред действий (§ 3.1. гл. 3 дисс.). В этом формате автором предпринимается попытка очертить возможные

³ См., напр.: Costa Lasota Lucas Augusto Perspectives on the regulation of smart contracts in Brazil and Russia. // IV BRICS Legal Forum. Moscow 30.11.2017-1.12.2017. Book of Abstracts. / Association of Lawyers of Russia, 2018. – P. 78-84 (228 p.) URL: <http://alrf.ru/news/izdan-sbornik-tezisov-iv-yuridicheskogo-foruma-stran-briks/> (accessed 30/05/2018)

негативные последствия наделения ЮИИ определенной правосубъектностью (с. 328-331 дисс.); экстраполировать модифицированные права человека на ЮИИ (с. 272-279 дисс.).

К числу достоинств работы следует также отнести ее масштабную и разнообразную источниковую базу, включающую, наряду с законодательством Российской Федерации и обсуждаемыми в настоящее время законопроектами, законодательство и официальные документы, в том числе акты судебных органов, зарубежных государств (библиография и текст диссертации позволили насчитать правовые порядки 21 государства - с. 355-404 дисс.); международные акты и документы, включая документы международных организаций. В этом формате нужно отметить, что обращение автора к зарубежному опыту одно- и разно-системных правовых порядков является своевременным, поскольку обогащает отечественную науку новыми сведениями и информацией о положении дел за рубежом, делает проведенное автором исследование еще более значимым как в научном, так и в прикладном плане.

Нужно также отметить объем проработанной диссертантом научной, в том числе иностранной, литературы, - лишь ее часть получила отражение в диссертации, другую часть можно почерпнуть в публикациях автора, включая изданный П.М. Морхатом уникальный библиографический указатель и авторскую образовательную программу по теме работы (с. 40-44 автореф. дисс.), на ряд из которых получены рецензии ведущих специалистов в сфере публичного и частного права, в том числе права интеллектуальной собственности – д.ю.н., проф. Богатырева А.Г., д.ю.н., проф. Кузнецова М.Н. и др. Очевидно, что автор опирался также и на глубокие познания практического применения искусственного интеллекта.

Отдельный технический интерес представляет приведенный в приложении диссертации массив сведений о законодательных актах, законопроектах и официальных документах зарубежных государств по теме исследования.

Обращает на себя внимание умелое применение докторантом в диссертации разнообразного научно-методологического инструментария, что позволяет говорить о весьма высоком уровне научно-методологического обеспечения диссертации. В числе прочего заслуживает внимания применение диссертантом такого научно-методологического подхода, как верификация своих научных наработок посредством проведения опросов специалистов (в области юридической науки и практики и в области искусственного интеллекта). Этот подход, надо сказать, встречается в докторских диссертациях уже многие десятилетия, но все равно не часто. Работа написана научно-юридическим языком. Вместе с тем, нельзя не отметить повышенную сложность изложения материала, обусловленную, конечно, особенностями предмета и объекта исследования, но вместе с тем и перенасыщенностью исследуемой сферы неопределенностями и разнопорядковыми сложными коллизиями.

Результаты диссертационной работы прошли необходимую апробацию в выступлениях диссертанта на научных и научно-практических конференциях и семинарах (международных, общероссийских и других – с. 44 автореф. дисс.); в его преподавательской деятельности в ряде ВУЗов (МГЮА, РАНХиГС – с. 45 автореф. дисс.), а также в публикациях в изданиях ВАК, SCOPUS, иностранных рецензируемых научных изданиях и др.

Сказанное выше показывает высокий научный уровень диссертации Морхата П.М., ее высокую теоретическую и практическую значимость, подтверждает научную новизну этой работы в целом и основных ее научных результатов (вынесенных на защиту положений), цельность и самостоятельность проведенного исследования, а также ее соответствие паспорту заявленной научной специальности 12.00.03 и устоявшимся представлениям о содержании последней.

Автореферат диссертации Морхата П.М. вполне соответствует основному содержанию диссертации.

Вместе с тем, в работе встречаются отдельные положения, вызывающие вопросы и требующие соответствующих уточнений. В связи с этим в ходе публичной защиты интерес будут представлять ответы соискателя на следующие вопросы.

1. Мы согласны с автором диссертации в том, что, регламентируя рассматриваемую сферу (искусственный интеллект, юниты искусственного интеллекта), законодатель руководствуется телеологическими соображениями, ставя во главу угла публичные интересы (положение 3, выносимое на защиту, с. 3 автореф. дисс.). В этом формате в связи с тем, что докторант отмечает сложную многоуровневую систему нормативной регламентации искусственного интеллекта, хочется, чтобы на защите автор подробнее остановился на вопросе места в этой системе называемых им элементов такой системы, таких, как *lex mercatoria* и акты саморегулирования. Не противоречит ли обозначенный авторский подход государственного регулирования рассматриваемой сферы идее саморегулирования?

2. В положениях 4, 5, 6 и 7, выносимых на защиту, изложены, по нашему мнению, самостоятельные разнопорядковые и разнопредметные, хотя и представляющие высокий научный интерес и объективно обладающие высокими научными ценностью и новизной авторские концепции, которые, вместе с тем, вполне стыкуемы в рамках предложенной диссертантом концепции работы. Им, по нашему мнению, не хватает сопоставления, хотя бы краткого. Глядя на эти пункты, ловишь себя на мысли, что так и хочется поразмышлять над точками и гранями их стыковки, сопряжения. Надеемся, на защите диссертант прояснит свою позицию на этот счёт.

3. Повторив, что считаем пласт научных разработок автора, касающийся научно-прикладного объяснения горизонта возможностей и способов функционирования и задеирования ЮИИ в юридической практике и в судебном процессе, рисков и связанных с этим проблем (§ 1.3 гл. 1, с. 33 автореф. дисс.), ценным, хотели бы услышать на защите позицию автора относительно того, какая задача решается автором простым перечислением сфер приложения ЮИИ, обозначенным в положении 8, выносимом на защиту (напр., с. 26-27 автореф. дисс.)? Что дает это перечисление (1) пруденциальный (внутренний превентивный) контроль деятельности судьи...; 2) информационно-документарное обеспечение судопроизводства...; 3) интеллектуальное экспертно-аналитическое обеспечение судопроизводства...; 4) лингвистическо-переводческое обеспечение судопроизводства...; 5) организационное обеспечение судопроизводства...) в практическом плане?

4. По нашему мнению, нельзя поддержать позицию автора, высказанную в положении 9, выносимом на защиту, относительно «преждевременности юридического введения специфической правосубъектности юнитов искусственного интеллекта “электронное лицо”», автор говорит в этой связи: «...полагаем, что чисто теоретически релевантное решение могло бы состоять в закреплении в ГК РФ отсылочной нормы к необходимому в будущем профильному Федеральному закону «О правовом регулировании в сфере искусственного интеллекта», который должен был бы закрепить правовую дефиницию искусственного интеллекта и его юнита, виды таковых, требования и ограничения в этой сфере, урегулировать правосубъектность с линейкой её видов и, возможно, всё равно с отложением вступления этих норм в силу на определённое время.» (напр., с. 29 автореф. дисс.). Представляется, что такой подход, конечно, отражает общемировую тенденцию декодификации правового материала в сфере частного права, наглядно демонстрируемую целым рядом стран,⁴ и Россия здесь не исключение, однако, гражданские кодексы повсеместно все еще остаются вмещалищем таких основополагающих правовых понятий, как «лицо», «обязательство», «договор», «гражданско-правовая ответственность», «вещные права» и т.д., создающих основу для принятия специального законодательства, связывающих его едино, придающих ему единообразие.⁵

⁴ См., напр.: Соловьев А.А., Филиппов Ю.М. Кодификация, декодификация и рекодификация гражданского законодательства: зарубежный опыт и перспективы России. // Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа. - 2012. - № 3. - С. 88-97; Беликова К.М. «Декодификация» ТК Бразилии 1850 г., ТК Чили 1867 г., Аргентины 1889 г. и ТК Мексики 1889 г. // Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки. Монография / К.М. Беликова. - М.: Юстицинформ - 2010. - С. 142-154 (480 с.).

⁵ См., напр.: Беликова К.М. «Рекодификация» - вектор развития гражданского права (на примере проектов поправок к гражданскому и торговому кодексам Перу 1984 и 1902 гг.). // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». - 2011. - № 4. - С. 110-116.

5. Диссертант, судя по диссертации несколько разводит (хотя и допускает пересечения) сферы правового регулирования искусственного интеллекта и сферы правового регулирования робототехники (вторая тема затрагивается в первой главе диссертации и не раз еще упоминается по ее тексту далее). Но четких объяснений относительно корреляций этих сфер в диссертации не отыскивается. Хочется услышать уточненную авторскую позицию по этому вопросу в ходе публичной защиты.

Высказанные замечания и вопросы не изменяют нашей общей высокой положительной оценки настоящего диссертационного исследования, носят частный характер и могут быть разъяснены диссертантом в ходе защиты.

Таким образом, можно обоснованно заключить, что представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук работа Морхата Петра Мечиславовича на тему «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» является самостоятельным, завершенным авторским фундаментальным научным исследованием, законченной научно-исследовательской работой, обладающей внутренним единством, содержащей новые научные результаты и положения, наглядно демонстрирующей существенный личный вклад диссертанта в юридическую науку в целом и в направления юридической науки, охваченные заявленной научной специальностью, представляющей собой ряд крупных научных достижений в виде авторских комплексных научных гражданско-правовых концепций (см. наши описания и оценки выше).

В диссертации Морхата П.М., по нашему мнению, успешно решена задача большого юридического, политического, социально-экономического, хозяйственного значения, важная для развития страны: на фундаментальном уровне комплексно осмыслены и объяснены нормативно-правовые аспекты, детерминированные развитием феномена искусственного интеллекта риски и современное состояние и перспективы его прикладного задействования, прежде всего, с акцентом на сферу права интеллектуальной собственности, оценена возможность адекватного урегулирования рассматриваемой сферы, меры надлежащего и возможного в таком урегулировании и его пределы; предложены оригинальные толковые решения множества сложнейших задач, имеющих существенное значение для развития научной области гражданского права, предпринимательского права, в целом, и права интеллектуальной собственности в частности.

Диссертация Морхата П.М. в необходимой и достаточной степени отвечает требованиям пунктов 9-14 и 23 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от

01.10.2018) «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а автор диссертации - Морхат Петр Мечиславович - заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03.

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса и
международного частного права Юридического института
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(специальность 12.00.03)

Почтовый адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
г. Москва, Россия, 117198, тел.: +7 (916) 244-19-78

Адрес электронной почты: belikova_km@rudn.university.ru, belikovaksenia@yandex.ru

Сайт: <http://www.rudn.ru>

Беликова

К.М. Беликова

26.12.2018

Подпись проф. К.М. Беликовой удостоверяю

Учёный секретарь Учёного совета
Юридического института РУДН
к.ю.н.

Кацарский

М.И. Кацарский